

ніямъ. Но это только въ теоріи. Факты говорятъ совершенно иное. Достаточно посмотрѣть хотя бы на портреты, нарисованные самимъ-же Фонвизинимъ, на его чиновниковъ, его помѣщиковъ. Самъ авторъ, впрочемъ, нисколько не думаетъ, что они сколько-нибудь противорѣчатъ его теоріи. И, пожалуй, эта сторона романа Фонвизина наибѣлѣе цѣнна, хотя и противъ воли автора и не къ его авантажу. Цѣнна въ томъ отношеніи, что даетъ все-же картину тѣхъ слоевъ общества, которые оставались въ тѣни и о которыхъ сообщались только поверхностныя свѣдѣнія. Одинъ вице-губернаторъ, «усмиряющій» забастовки, чего стоитъ! Вѣроятно, какъ и всегда, самъ авторъ придаетъ въ своей книгѣ значеніе другому. Быть можетъ, онъ дорожитъ изображеніемъ аграрныхъ беспорядковъ, «иллюминацій» помѣщичьихъ усадьбъ, но тутъ онъ даетъ мало новаго. Это просто приукрашенныя газетныя корреспонденціи. Крашенныя фотографіи. И, нужно сказать, красокъ онъ не пожалѣлъ. «Я р к і я» получились картинки, совершенно въ стилѣ тѣхъ лубочныхъ картинъ, на которыхъ, въ началѣ японской войны, показывалось, какъ русскіе уничтожали японцевъ! Дорожить, быть можетъ, Фонвизинъ и «своимъ собственнымъ» Санинымъ, котораго онъ, правда, одѣлъ въ лаковые ботинки. Но это уже не оригинально. У молодого юмориста нашихъ дней, г. Аверченки, есть небольшой, хотя, и нельзя сказать, чтобы новый, рассказъ. Дѣвочки разсказываютъ, какъ мальчикъ сидитъ подъ яблоней и спрашиваетъ отца: «папа, у яблокъ бываютъ лапки?».—«Нѣтъ»,—отвѣчаетъ отецъ.—«Ну, значитъ, я жабу слопалъ». Дѣвочка черезъ нѣкоторое время возвращается и передаетъ тотъ же рассказъ въ такой редакціи: «папа, у грушъ бываютъ лапки?».—«Нѣтъ»...—«Ну, значитъ, я съѣла курицу». И никакъ нельзя было увѣрить дѣвочку, что она «сюжетъ заимствовала». Вотъ такъ и г. Фонвизинъ. Взялъ у Арцыбашева его Санина, одѣлъ его въ лаковые ботинки и смокингъ, и думаетъ, что создалъ нѣчто оригинальное, характеризующее «смутные дни». Какъ литературная цѣльность, романъ Фонвизина, несмотря на свой объемъ, конечно, ничего собой не представляетъ. Двѣ-три интересныя детали не искупаютъ безсильнаго исполненія громадно претенціознаго замысла. Не лишено также симптоматическаго значенія и самое появленіе этого «аристократическаго» романа. По немъ можно судить, какъ «тамъ» разбираются въ событіяхъ недавнихъ дней. Плохо разбираются.

Едва ли не по пословицѣ, что «среди слѣпыхъ и кривой—зрячій»!

Полное собраніе стихотвореній А. А. Фета. Подъ редакціей Б. В. Никольскаго. 3 тома. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. СПБ. 1910. Цѣна 5 р.

Это изданіе представляетъ собою точное, буква въ букву, повтореніе перваго, вышедшаго въ 1901 году. Итакъ, въ десять лѣтъ разс-

шло всего одно издание. Поучительное явление!—Великій поэтъ, довольно тщательная редакція, изящныя книжки, дешевая цѣна,—и все-таки всего одно издание, пусть даже въ изрядномъ числѣ экземпляровъ, въ цѣлое десятилѣтіе. А въ сколькихъ изданіяхъ и экземплярахъ разошелся въ это время Надсонъ, такъ бѣдный творческими силами, и матеріаломъ въ сравненіи съ Фетомъ! Такое сопоставленіе извѣстнымъ образомъ рекомендуетъ и наше общество, и пережитую эпоху. И если спросъ на лучшее въ поэзіи такъ невеликъ, то можно ли винить и издателей, что они, не задумываясь, воспроизвели старый стереотипъ и не внесли никакихъ измѣненій въ редакцію, никакихъ дополненій въ самое собраніе? Не будемъ говорить ни о достоинствахъ, ни о недостаткахъ редакторской работы; и тѣ, и другіе уже были въ свое время оцѣнены критикой. Скажемъ лишь, что до абсолютной полноты изданію далеко.

Еще десять лѣтъ назадъ самъ редакторъ признавалъ, что «полнота его не можетъ считаться исчерпывающей», а съ тѣхъ поръ прибавились еще кое-какіе новые матеріалы. Укажемъ, на примѣръ, на стихотворенія «Рододендронъ» (альм. «Сѣверные Цвѣты» на 1902 г.), 1901 г.), «Перекладываютъ тройки»... («Сѣверн. Цвѣты» на 1902 г.), «Что молчишь? Иль не видишь—горю»... («Русск. Обзор.» 1901 г., № 1), «Я въ моихъ тебя вижу все снахъ»..., «Мы правимся уѣздамъ и столицамъ»..., «Весеннихъ чувствъ не должно вспоминать»... («Нов. Время» 1903 г., №№ 9821, 9898, 9933); это, конечно, далеко не всѣ дополненія, и найдется ихъ еще много. Недавно въ печати указывалось («Нов. Русь» 1909 г., № 356) на одинъ редакторскій недосмотръ въ марковскомъ изданіи. Фетъ однажды просилъ Влад. Соловьева исправить стихъ въ пьесѣ «Въ полуночной тиши безсонницы моей»... и вмѣсто «Стоять усердные, прекрасные друзья»... поставить: «Богици предо мной усердные друзья»...; Вл. Соловьевъ исполнилъ эту просьбу и напечаталъ поправку (въ «Русск. Обозрѣніи», 1890 г., декабрь, 651), но въ разсматриваемомъ собраніи пьеса осталась неисправленной. Критическое, комментированное изданіе произведеній великаго классика остается дѣломъ будущаго, а покуда приходится довольствоваться этимъ не «ученымъ», «читательскимъ» собраніемъ, въ своихъ предѣлахъ вполне удовлетворительнымъ. Когда настанетъ серьезное отношеніе массоваго читателя къ искусству, не такъ будетъ изданъ Фетъ—весь, съ примѣчаніями, съ беллетристической и даже публицистической «шеншинской» прозой, которую, по словамъ другого поэта, «искупать стихи плѣнительные Фета».